ШАРЛОТТА ПЕРКИНС

ГИЛМАН

Желтые обои, Женландия и другие истории



ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Зарубежная классика (АСТ)

Шарлотта Гилман

Желтые обои, Женландия и другие истории

«Издательство АСТ»
1892, 1915

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гилман Ш. П.

Желтые обои, Женландия и другие истории / Ш. П. Гилман — «Издательство АСТ», 1892, 1915 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-138201-8

Нашему читателю в первую очередь известен рассказ «Желтые обои», оказавший заметное влияние на творчество Говарда Лавкрафта, Стивена Кинга и других авторов. Американская семья снимает в аренду родовое поместье. Главной героине очень не нравятся желтые обои в спальне. И не зря: с обоями действительно что-то не так. Совсем не так... Кроме того, в сборник вошли феминистический роман-антиутопия «Женландия», впервые переведенный на русский язык, а также избранные рассказы, в которых мистика и ужасы соседствуют с глубоким психологическим реализмом и добродушным юмором.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138201-8

© Гилман Ш. П., 1892, 1915
© Издательство АСТ, 1892, 1915

Содержание

Шарлотта Перкинс Гилман 5
Желтые обои 6
Женландия 17
Глава 1 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Шарлотта Перкинс Гилман
Желтые обои, Женландия и другие истории

© Перевод Е. Токарев, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Желтые обои

Обычным людям, таким как мы с Джоном, редко выпадает случай провести лето в родовом поместье.

Особняк в колониальном стиле, наследственное имение, я бы сказала – вилла с привидениями. Мы добрались до верха романтических мечтаний – выпросили у судьбы слишком много.

И все же я настаиваю, что во всем этом есть нечто странное.

Иначе почему дом сдавался так дешево? И отчего он так долго пустовал?

Джон, конечно же, смеялся надо мной, но в семейной жизни подобного стоит ожидать.

Он практичен до крайности. Мой муж не выносит религии, суеверия повергают его в ужас, и он в открытую высмеивает любые разговоры о вещах, которые нельзя пощупать, увидеть или посчитать.

Джон – врач, и, возможно – (я бы, разумеется, не призналась в этом ни одной живой душе, однако бумага все стерпит, и это очень отрадно) – возможно, что как раз поэтому я поправляюсь гораздо медленнее.

Понимаете, он не верит в мою болезнь!

И что же делать?

Если врач с хорошей репутацией, и к тому же ваш муж, уверяет друзей и родственников, что у вас нет ничего серьезного, кроме преходящей нервной депрессии и незначительной склонности к истерии, как тогда быть?

Мой брат – тоже врач, хорошо зарекомендовавший себя, и говорит то же самое.

Поэтому я принимаю фосфаты или фосфиты – пойди разбери – разные общеукрепляющие препараты, совершаю променады, дышу свежим воздухом и делаю зарядку. Еще мне строго-настрого запрещено «работать», пока я окончательно не поправлюсь.

Лично я не согласна.

Я считаю, что работа, которая придется по душе, может взбодрить и внести в жизнь разнообразие, она пошла бы мне только на пользу.

Но что поделать?

Я все-таки писала, несмотря на запреты, но это и правда сильно утомляло, ведь приходилось хитрить, чтобы никто не помешал.

Иногда мне кажется, что в моем состоянии лучше встречать меньше препятствий, и будь у меня больше общения и стимулов… Однако Джон утверждает, что худшее, что я могу делать, – это анализировать свое состояние. Признаюсь, что от этих мыслей мне всегда становится плохо.

Так что я оставлю их в покое и расскажу о доме.

Это восхитительное место! Уединенное, стоящее довольно далеко от дороги и за добрых четыре километра от деревни. Живые изгороди, стены, запирающиеся на замок ворота и множество небольших домиков для садовников и прочей прислуги навевают мысли об английских поместьях из книг.

А какой дивный здесь сад! Я никогда таких не видела – большой, тенистый, изрезанный дорожками с бордюрной каймой, с увитыми виноградом беседками, где стоят уютные скамейки.

Здесь есть теплицы, но они разрушены.

Думаю, не обошлось без судебных тяжб между наследниками и сонаследниками. В любом случае дом долгие годы пустовал.

Боюсь, что это нарушает мое душевное равновесие, но все же – есть в этом особняке что-то странное. Я это чувствую.

Однажды лунным вечером я даже сказала об этом Джону, но он ответил, что все дело в сквозняке, и закрыл окно.

Иногда я злюсь на Джона безо всякой причины. Уверена, что раньше я не была такой раздражительной. По-моему, это из-за нервного расстройства.

Однако Джон утверждает, что причина моих срывов в недостатке самообладания. Поэтому я изо всех сил стараюсь сдерживаться – по крайней мере перед ним. От этого на меня наваливается усталость.

Наша комната мне совершенно не нравится. Мне хотелось поселиться внизу, где из густо увитого розами окна открывается вид на внутренний дворик. Там такие очаровательные старомодные ситцевые занавески! Но Джон об этом и слышать не желал.

Он сказал, что там только одно окно, не хватает места для двух кроватей, и рядом нет комнаты на случай, если он захочет спать отдельно.

Джон очень внимателен и заботлив, даже не разрешает мне вставать без особой надобности.

Мой день расписан по часам. Джон опекает меня буквально во всем, и я чувствую себя неблагодарной, потому что недостаточно это ценю.

Он сказал, что мы приехали сюда только из-за меня, потому что мне необходимо как следует отдохнуть и вволю подышать свежим воздухом.

– Потребность в физической нагрузке зависит от самочувствия, дорогая, – говорил он, – а потребность в еде – от аппетита. Но воздухом ты можешь дышать всегда.

Поэтому мы поселились в детской наверху.

Наша просторная комната занимает почти весь этаж, и окна ее выходят на все стороны, она полна воздуха и солнечного света. Похоже, сначала здесь была детская, а потом игровая комната и гимнастический зал: окна забрали решетками для безопасности, а в стены вмонтировали кольца и крепления для снарядов.

Обои выглядят так, словно здесь обитали мальчишки из частной школы. Вокруг изголовья моей кровати, там, куда я едва дотягиваюсь, они содраны большими кусками. Тот же разгром царит на огромной противоположной стене. Более жуткой отделки я в жизни не видела.

Узор на обоях – разлапистый, цветастый и вычурный, воплощающий все художественные огрехи.

Достаточно тусклый, чтобы запутать бегущий по нему взгляд, он достаточно четкий, чтобы постоянно раздражать зрение и побуждать вглядываться в него. Но если некоторое время всматриваться с близкого расстояния в неуклюжие ломаные извивы, они внезапно совершали самоубийство: разбегались в стороны под пугающими взор углами и распадались на совершенно несовместимые отрезки.

Цвет у обоев отталкивающий, почти отвратительный: выгоревший грязно-желтый, причудливо выцветший под лучами солнца.

В некоторых местах они приобрели блеклый коричневато-оранжевый оттенок, в других – неуловимый зеленовато-желтый окрас.

Неудивительно, что детям не нравились эти обои! Я бы сама их возненавидела, если бы мне пришлось долго жить в этой комнате.

Так, идет Джон, и надо все быстро убрать – он терпеть не может, когда я пишу.

Мы здесь две недели, и теперь мне хочется писать не так сильно, как в первые дни.

Сейчас я сижу у окна в этой жуткой детской, и только легкий упадок сил мешает мне излагать мысли на бумаге, сколько захочется.

Джон отсутствует целыми днями, а иногда даже вечерами, если ему попадаются трудные случаи.

Я рада, что моя болезнь не серьезна!

Однако это нервное расстройство жутко подавляет.

Джон понятия не имеет, как я на самом деле страдаю. Он знает, что для мучений нет причин, и это его устраивает.

Конечно, это всего лишь нервы. Тревога давит на меня, мешает выполнять обязанности по дому.

Мне хотелось во всем помогать Джону, обеспечивать ему настоящий отдых и уют, но я стала для него обузой!

Никто не поверит, каких усилий сто́ит делать то немногое, что я могу – одеваться, принимать гостей и распоряжаться по хозяйству.

Как же повезло, что Мэри заботится о ребенке. Таком дивном ребенке!

И все же я не могу быть рядом с ним, оттого и нервничаю.

Похоже, Джон никогда в жизни не волновался. Он так смеется, когда я говорю ему про обои!

Сначала он хотел переклеить обои в комнате, но потом сказал, что я позволяю им довлеть над собой, а для больного с нервным расстройством нет ничего хуже, чем поддаваться подобным фантазиям.

Джон добавил, что после смены обоев придет черед тяжелой рамы кровати, затем решеток на окнах, потом калитки в самом низу лестницы, и так далее.

– Знаешь, этот дом благотворно на тебя влияет, – заявил он, – но право же, дорогая, не стоит тут заново все обустраивать ради найма на три месяца.

– Тогда давай переберемся вниз, – предложила я. – Там такие милые комнаты.

После этих слов он обнял меня, назвав блаженной маленькой гусыней, и сказал, что отправится и в погреб, если я захочу, да к тому же его и побелит.

Но он все же прав насчет кроватей, окон и прочего.

Это просторная и удобная комната, которая каждому бы понравилась, и я, конечно же, не настолько глупа, чтобы причинять Джону неудобство из-за нелепого каприза.

Эта большая комната и правда начинает мне нравиться, вот только обои жуткие.

Из одного окна я вижу сад – загадочные тенистые беседки, буйно растущие старомодные цветы, кусты и сучковатые деревья.

Из другого открывается дивный вид на залив и небольшую пристань, принадлежащую поместью. Туда ведет примыкающая к дому тенистая аллея.

Я всегда воображаю, что вижу людей, гуляющих по многочисленным дорожкам и заходящих в беседки, но Джон предупредил меня никоим образом не поддаваться подобным фантазиям. Он говорит, что при моем воображении и привычке к сочинительству нервное расстройство чревато всякого рода галлюцинациями, и необходимо мобилизовать волю и здравый смысл, дабы обуздать эту склонность. Вот я и стараюсь.

Иногда кажется, что, если бы мне достаточно полегчало, чтобы я смогла немного писать, я бы избавилась от навязчивых идей и успокоилась.

Но увы, при любой попытке поработать я сильно устаю.

Обескураживает, что не с кем посоветоваться и дружески обсудить мою работу. Джон говорит, что, когда я по-настоящему пойду на поправку, мы пригласим кузена Генри и Джулию погостить у нас. Но тут же добавляет, что скорее зажжет на моей наволочке фейерверк, чем сейчас допустит ко мне этих впечатлительных и эмоциональных людей.

Мне хочется поскорее выздороветь.

Но думать об этом нельзя. Обои смотрят на меня так, словно знают, какое пагубное воздействие на меня оказывают!

На них есть повторяющийся рисунок, где узор наклоняется, будто сломанная шея, и два выпученных глаза смотрят, перевернутые вверх тормашками.

Я несказанно раздражаюсь от этого беззастенчивого, неустанно преследующего меня взгляда. Он медленно ползает вверх-вниз и из стороны в сторону, эти жуткие немигающие

глаза повсюду. Еще на обоях есть место, где две полосы не совпадают, и взгляд смещается вдоль линии то вверх, то вниз.

Раньше я никогда не замечала такой выразительности в неодушевленном предмете, однако все мы знаем, насколько эмоциональными могут быть обычные вещи! Ребенком я долго лежала без сна, и ровные стены с незатейливой мебелью увлекали и пугали меня больше, чем обстановка лавки игрушек – попавших туда детей.

Помню, как ласково подмигивали ручки нашего большого старого комода, и был еще стул, всегда казавшийся мне верным другом.

Тогда я чувствовала, что если другие вещи вдруг покажутся слишком злобными, всегда можно запрыгнуть на этот стул и очутиться в полной безопасности.

Обстановка в этой комнате совершенно несуразная, поскольку сюда пришлось перенести мебель с первого этажа. Думаю, когда это помещение использовали как игровую комнату, пришлось убрать все относящееся к детской, и неудивительно! Я никогда раньше не видела такого разгрома, учиненного детьми.

Обои, как я уже говорила, ободраны большими кусками, а ведь приклеены они были на совесть. Выходит, дети обладали завидным упорством и злобой.

А еще здесь исцарапан, разбит и выщерблен пол, повсюду виднеется осыпавшаяся штукатурка, а огромная тяжелая кровать – единственное, что здесь оставалось – выглядит так, словно пережила войну.

Однако она меня устраивает. Вот только обои тревожат…

Вон идет сестра Джона. Она чудесная девушка, и так обо мне заботится! Нельзя, чтобы она заметила, как я пишу.

Она великолепная и очень аккуратная домохозяйка, считающая, что лучшего занятия ей и не сыскать. Думаю, она считает, что я болею оттого, что пишу!

Однако я могу писать, когда ее нет дома, наблюдая за ней из окон.

Одно из них выходит на дорогу, живописно извивающуюся в тени склонившихся деревьев. Из другого открывается вид на пасторальный пейзаж с огромными вязами и бархатисто-зелеными лугами.

На обоях в темных местах есть едва заметный узор, который особенно раздражает, поскольку разглядеть его можно только при определенном освещении, да и то неясно.

Но там, где он не поблек, – в те моменты, когда солнце падает под особым углом, я вижу странную, манящую и размытую фигуру, которая вроде как прячется за непритязательным и бросающимся в глаза основным рисунком.

По лестнице поднимается золовка!

Ну вот, День независимости прошел! Гости разъехались, а я вымотана до предела. Джон решил, что мне пойдет на пользу общение, так что мы пригласили маму и Нелли с детьми погостить у нас неделю.

Конечно, я ничего не делала. Теперь домом занимается Дженни.

Но я все равно очень устала.

Джон говорит, что если мое выздоровление не пойдет быстрее, то осенью он отправит меня к Вейру Митчеллу.

Ехать туда совсем не хочется. Моя подруга однажды попала в его лечебницу, она рассказывала, что он такой же, как Джон и мой брат, только еще въедливее!

К тому же отправляться так далеко – это сплошные хлопоты.

Мне кажется, что ни к чему не стоит прикладывать руки, и от безделья я становлюсь ужасно капризной и ворчливой.

Плачу по пустякам, причем все время.

Конечно, я сдерживаюсь, когда рядом Джон или кто-то еще, но наедине с собой даю волю слезам.

А одна я теперь почти всегда. Джон очень часто пропадает в городе у тяжелобольных, а Дженни чрезвычайно добра и оставляет меня по первой просьбе.

Я немного гуляю в парке или прохаживаюсь по живописной дороге, сижу на веранде под кустами роз и подолгу лежу на кровати.

Несмотря на страшные обои, комната нравится мне все больше и больше. А возможно, как раз из-за них.

Как глубоко они проникли в мое сознание!

Я лежу на огромной неподъемной кровати – похоже, она прибита к полу – и часами разглядываю узор. Уверяю вас, это занятие не хуже гимнастики. Начинаю я, скажем, вон с того угла, где к обоям не притрагивались, и в тысячный раз твержу себе, что все-таки прослежу бессмысленный орнамент до некой завершающей точки.

Я мало знакома с принципами композиции, однако знаю, что рисунок этот составлен без опоры на правила расхождения лучей, на методы чередования, повтора, симметрии или на что-то еще, о чем я слышала.

Узор, конечно же, повторяется в каждой из полос, но и только.

Если посмотреть с одной стороны, каждая полоса тянется сама по себе. Замысловатые изгибы и завитушки – в псевдо-романском стиле, сдобренном белой горячкой – уходят вверх и вниз безвкусно расставленными столбиками.

Однако с другого ракурса они соединяются по диагонали, и растянутые контуры разбегаются пологими косыми волнами, ударяя по глазам, словно подхлестнутые прибоем густые водоросли.

Весь узор вытянут и горизонтально, по крайней мере так кажется, и я до изнеможения пытаюсь определить порядок его движения в этом направлении.

Для оклейки фриза использовали горизонтальную полосу, и это дивным образом лишь усиливает путаницу и неразбериху.

В одном конце комнаты обои почти не тронуты, и вот там, когда гаснет отраженный свет, и закатное солнце впивается в стену, я почти явственно вижу свечение: нескончаемые причудливые фигуры вырисовываются вокруг центральной точки, а затем стремительно разбегаются в стороны и гаснут.

Я очень устала вглядываться. Думаю, нужно вздремнуть.

Сама не знаю, зачем все это писать.

Мне не хочется об этом писать.

И сил, похоже, нет.

К тому же я знаю, что Джон сочтет это абсурдом. Но я должна как-то выражать чувства и мысли – ведь это приносит огромное облегчение!

Но постепенно усилия становятся больше облегчения.

Теперь я постоянно чувствую ужасную лень и то и дело ложусь передохнуть.

Джон говорит, что нельзя терять силы, и заставляет меня поглощать рыбий жир, общеукрепляющие препараты и другие таблетки, не говоря уже о пиве, вине и мясе с кровью.

Милый Джон! Он так нежно любит меня, и ему тяжело видеть, как я болею. На днях я попыталась серьезно поговорить с ним, поведать, как мне хочется, чтобы он отпустил меня погостить у кузена Генри и Джулии.

Но он ответил, что я не смогу поехать к ним, что там я продержусь недолго. А у меня не получилось твердо настоять на своем, потому что я расплакалась, не успев закончить.

Мне становится все труднее собираться с мыслями. По-моему, это от нервов.

Милый Джон подхватил меня на руки, отнес наверх, уложил на кровать, сел рядом и читал вслух, пока у меня не заболела голова.

Он называл меня своим сокровищем, отрадой и всем, что у него есть в жизни, умолял заботиться о себе ради него и поскорее выздоравливать.

Он утверждал, что никто, кроме меня самой, не поможет побороть болезнь, и призывал мобилизовать волю и самообладание, не позволяя глупым фантазиям взять верх.

Одно меня утешает: ребенок здоров и счастлив, и ему не нужно жить в комнате с этими жуткими обоями.

Если бы мы не заняли эту комнату, в ней бы обосновался наш малыш. Как удачно все повернулось! Я бы ни за что на свете не допустила, чтобы мой мальчик, такое впечатлительное дитя, жил здесь.

Раньше я об этом не думала, но как же хорошо, что Джон поселил здесь меня. Сами понимаете, я переношу эту обстановку куда легче, чем ребенок.

Конечно, больше я и словом не обмолвлюсь – я слишком умна, – но все-таки продолжу наблюдать за обоями.

В них есть нечто, чего никто, кроме меня, не знает и никогда не заметит.

С каждым днем все четче проступают неясные очертания за основным рисунком.

Форма у них всегда одна и та же, только их становится больше.

Эти очертания похожи на согнувшуюся женщину, медленно движущуюся за главным узором. Мне это совсем не нравится. Удивительно… Я начинаю думать… Мне хочется, чтобы Джон увез меня отсюда!

Мне трудно говорить с Джоном о болезни, потому что он очень умный и так меня любит.

Но прошлой ночью я все-таки попыталась.

Светила луна. Ее сияние заливало все вокруг, как и солнечные лучи.

Иногда я просто не выношу ее вида, она так медленно ползет по небу, поочередно заглядывая то в одно, то в другое окно.

Джон спал, и мне очень не хотелось его будить, поэтому я сидела смирно и глядела на движущиеся по вспучившимся волнами обоям пятна лунного света, пока меня не бросило в дрожь.

Мне показалось, что неясная фигура встряхнула узор, словно пытаясь выбраться наружу.

Я тихонько встала и подошла проверить, действительно ли обои пошевелились, а когда вернулась, Джон проснулся.

– Что такое, маленькая моя? – спросил он. – Не расхаживай вот так, налегке, иначе простудишься.

Я решила, что теперь самое время поговорить, и сказала ему, что здесь я плохо поправляюсь и что хочу, чтобы он увез меня отсюда.

– Но почему, дорогая? – возразил он. – Наша аренда закончится через три недели, и я не вижу причин уезжать раньше. Дома еще не закончен ремонт, к тому же я сейчас просто не могу уехать отсюда. Конечно, если бы тебе угрожала опасность, я бы не замедлил это сделать. Но тебе и вправду намного лучше, дорогая, замечаешь ты это или нет. Я врач, и я точно знаю. Ты набираешь вес, цвет лица становится здоровее, у тебя улучшается аппетит, и мне все отраднее на тебя смотреть.

– В весе я не прибавила, – ответила я. – Нисколько. А аппетит у меня, наверное, лучше по вечерам, когда ты рядом. Но утром он хуже, потому что ты уезжаешь!

– Вот ведь, сердечко мое, – сказал он, приобняв меня. – Она болеет, когда ей захочется! Давай-ка не будем тратить зря драгоценное время и ляжем спать, а утром все обговорим!

– Значит, ты никуда не поедешь? – мрачно спросила я.

– Да как я смогу, дорогая? Еще три недели, а потом мы куда-нибудь прокатимся на несколько дней, пока Дженни приведет дом в порядок. Право же, милая, тебе гораздо лучше.

– Может, лучше физически… – начала я и осеклась, потому что он сел прямо и посмотрел на меня таким строгим и укоризненным взглядом, что я больше и слова не могла сказать.

– Дорогая! – продолжил он. – Умоляю, ради меня, нашего ребенка и своего же блага не позволяй вздорной идее завладеть твоим разумом! Для твоего душевного склада нет ничего

опаснее навязчивых мыслей. Все это – глупые и надуманные фантазии. Разве ты не веришь, когда я, врач, говорю тебе это?

Конечно, мне было нечего на это ответить, и мы легли спать. Он решил, что я уснула первой, но это не так. Я долгие часы лежала, пытаясь определить, сместились ли узоры на обоях.

При дневном свете в узоре ярко проявляется отсутствие упорядоченности и отрицание принципов композиции, и это постоянно раздражает взгляд.

Цвет у обоев достаточно жуткий, он тревожный и вызывает ярость, а рисунок – просто пытка.

Иногда кажется, что удалось изучить его досконально, но стоит вглядеться пристальнее, и он делает сальто назад, вуаля. Он хлещет по лицу, сбивает с ног и топчет. Очень похоже на кошмарный сон.

Витиеватые арабески внешнего рисунка напоминают грибковый нарост. Представьте себе сцепленные поганки, бесконечную череду их, распухающих и разрастающихся в нескончаемых извивах – вот на них и похож узор.

Но лишь иногда!

Есть у этих обоев особенность, нечто такое, чего, кажется, не замечает никто, кроме меня. Они меняются вместе с освещением.

Когда солнце бьет в восточное окно (а я всегда жду самый первый, длинный луч), они преображаются так быстро, что всякий раз не верится.

Вот поэтому я всегда на них смотрю.

При лунном свете (луна сияет всю ночь, если появляется), мне и в голову не приходит, что на стене те же обои.

Ночью при любом освещении (в сумерки, при свечах, при свете лампы, но хуже всего при лунном свете) узор превращается в решетку! Я об основном рисунке, за которым отчетливо видна женщина.

Я долго не могла взять в толк, что же таится под основным узором, но теперь я совершенно уверена, что там женщина.

При дневном свете она тихая и подавленная. Думаю, рисунок сковывает ее. Вот ведь загадка. Он и меня часами держит в неподвижности.

Теперь я очень долго лежу. Джон говорит, что это мне на пользу – спать, сколько смогу.

Именно он приучил меня спать днем, заставляя прилечь на часок после еды.

Уверена, что это очень вредная привычка, поскольку сами видите – я не сплю.

Она порождает обман, потому как я не говорю, что бодрствую – нет-нет!

Дело в том, что я начинаю бояться Джона.

Иногда он кажется мне очень подозрительным, и даже у Дженни появляется непонятный взгляд.

Время от времени я словно выдвигаю научную гипотезу – возможно, загвоздка в обоях!

Я стала входить в комнату под самым невинным предлогом и незаметно наблюдать за Джоном. Несколько раз я заставала его глядящим на обои!

И Дженни тоже. Однажды я застигла ее, когда она коснулась их рукой.

Она не знала, что я в комнате. А когда я ее спросила – тихим, очень тихим голосом и очень сдержанным тоном, – что она делает с обоями, Дженни резко обернулась, будто ее схватили за руку, как воровку, и тотчас разозлилась – что это я ее так пугаю.

Потом она заявила, что от обоев одна сплошная грязь, и у меня на одежде масса желтых пятен. И у Джона тоже. Потом добавила, что нам надо быть аккуратнее.

Прозвучало невинно, правда? Однако я-то знаю, что она изучала узор. Тогда я твердо решила, что его тайну не разгадает никто, кроме меня!

Теперь моя жизнь течет гораздо интереснее и увлекательнее. Понимаете, мне есть, чего ожидать, что предвкушать и за чем наблюдать. Я действительно стала лучше есть и спокойнее себя вести.

Джон доволен, что я выздоравливаю! На днях он даже рассмеялся и сказал, что я, похоже, расцветаю, несмотря на эти обои.

Я оборвала его легким смешком. Я вовсе не намеревалась говорить, что это все из-за обоев, иначе бы он начал надо мной подтрунивать. Возможно, он даже захотел бы увезти меня отсюда.

Теперь я не хочу уезжать, пока не узнаю все до конца. Осталась еще неделя, и мне кажется, что этого времени хватит.

Я чувствую себя гораздо лучше! По ночам я сплю мало, потому что с любопытством наблюдаю за метаморфозами обоев, однако наверстываю упущенное днем.

В дневные часы наваливается усталость, и мысли путаются.

На грибковом наросте все время появляются новые пупырышки, окрашенные во все оттенки желтого. Мне не удается их сосчитать, хотя я честно пытаюсь это сделать.

Какого странного желтого цвета эти обои! Цвет этот заставляет меня думать обо всем желтом, что я видела раньше – не о чем-то красивом вроде лютиков, а о старом, грязном и противном тряпье.

Но у обоев есть еще одно свойство – запах! Я уловила его сразу, как только мы вошли в комнату, но когда в ней много яркого солнца и воздуха, аромат не кажется неприятным. Теперь же на неделю зарядили дожди, да еще с туманами, так что неважно, открыты окна или нет – запах усилился.

Он расползается по всему дому.

Я чувствую, как он висит в столовой, прячется в гостиной, крадется по коридорам и подстерегает меня на лестнице.

Он забирается в волосы.

Даже когда я отправляюсь кататься верхом, стоит резко обернуться – запах рядом!

А еще у него есть непонятный компонент! Я долгими часами лежала, пытаясь вникнуть и определить, на что же он похож.

Он неплохой – но это едва уловимый, очень тонкий и одновременно самый стойкий из всех встречавшихся мне ароматов.

При теперешней сырой погоде он просто ужасен. Я просыпаюсь по ночам и чувствую, как он нависает надо мной.

Сначала он меня беспокоил. Я серьезно подумывала, не поджечь ли дом, чтобы извести запах.

Но теперь я к нему привыкла. Единственное, что мне о нем известно – он такого же цвета, как обои! Желтый запах.

На стене появилась забавная отметина – внизу, рядом с плинтусом. Полоска, бегущая по периметру комнаты. Она тянется за всей мебелью, кроме кровати – длинная, прямая и размазанная, словно ее втирали в стену.

Интересно, как это получилось, кто это сделал и зачем. Вокруг, вокруг, вокруг комнаты, кругами, кругами, кругами – у меня от этого голова кругом идет!

Наконец-то я обнаружила нечто интересное.

После долгих ночных наблюдений за метаморфозами обоев я, в конце концов, заметила вот что.

Внешний рисунок и вправду движется – и это неудивительно! Женщина под ним трясет его!

Иногда мне кажется, что за основным узором множество женщин, временами там только одна. Она быстро ползает по кругу, сотрясая рисунок.

Она замирает на очень светлых местах, а в очень темных хватается за решетку и изо всех сил ее трясет.

Женщина хочет наружу. Однако сквозь узор нельзя пробраться – он душит и давит. Думаю, именно поэтому на обоях так много голов.

Они просовываются, потом узор их сдавливает, переворачивает вверх тормашками и выбеливает глаза!

Если эти головы закрасить или вообще убрать, стены выглядели бы не так жутко.

По-моему, та женщина днем выходит из дома!

Я вам объясню – но только между нами: я ее видела!

Ее видно из всех моих окон!

Это та самая женщина, я уверена, потому что она все время ползет, а большинство женщин днем не ползают.

Я вижу ее на дороге в тени деревьев, пока она ползет вперед и прячется в зарослях ежевики от проезжающих мимо экипажей.

Вообще-то я ее не виню. Наверное, это унизительно, когда тебя застают ползающей средь бела дня!

Когда я ползаю днем, всегда запираю дверь. Ночью я этого проделывать не могу, поскольку знаю, что Джон тотчас же что-то заподозрит.

Джон теперь очень странный, так что я не хочу его раздражать. Как жаль, что он со мной в одной комнате! К тому же я не хочу, чтобы по ночам эту женщину видел кто-то, кроме меня.

Я частенько гадаю, смогу ли увидеть ее сразу изо всех окон.

Однако как бы быстро я ни двигалась, она лишь в одном окне.

И хотя я всегда ее замечаю, она наверняка может ползать быстрее, чем передвигаюсь я!

Иногда я наблюдаю ее далеко, на открытом пространстве, где она ползает очень быстро, как тень от облака на сильном ветру.

Если бы только можно было отделить внешний рисунок от того, что под ним! Пожалуй, я мало-помалу это проделаю.

Я обнаружила еще одну забавную штуковину, но пока о ней не расскажу! Нельзя слишком доверять людям.

Осталось всего два дня, чтобы убрать обои, и мне кажется, что Джон начинает что-то замечать. Мне совсем не нравится его взгляд.

А еще я слышала, как он задавал Дженни массу «медицинских» вопросов обо мне. Она очень подробно все ему доложила.

Сказала, что я много сплю днем.

Джон знает, что я плохо сплю по ночам, несмотря на то, что я веду себя так тихо!

Он и мне задавал кучу разных вопросов, притворяясь любящим и заботливым.

Как будто я не вижу его насквозь!

Тем не менее его поведение не удивляет – ведь он три месяца спал среди этих обоев.

Всерьез они интересуют только меня, но наверняка исподволь повлияли и на Джона, и на Дженни.

Ура! Сегодня последний день, но мне его хватит. Вчера Джон остался ночевать в городе и вернется лишь нынче вечером.

Дженни хотела лечь спать со мной – вот ведь хитрая какая! Но я заявила, что наверняка за ночь отдохну лучше, если останусь одна.

Умный ход, ведь я была очень даже не одна! Как только выглянула луна, бедняжка принялась ползать и трясти узор, и я вскочила и побежала ей на помощь.

Я тянула рисунок, а она трясла его, я его трясла, а она тянула, и до утра мы отодрали несколько метров обоев.

В высоту до полосы на уровне моей головы и горизонтально – полкомнаты.

Когда взошло солнце и жуткий узор принялся надо мной смеяться, я заявила, что сегодня же с ним покончу!

Завтра мы уезжаем, и мебель из моей комнаты уносят обратно вниз, чтобы все здесь было, как до нас.

Дженни изумленно оглядела стену, но я весело объяснила, что проделала все это из-за злобы на эту мерзость.

Она засмеялась и ответила, что и сама бы не прочь сделать то же самое, но мне нельзя утомляться.

Вот так она себя и выдала!

Но я еще здесь, и кроме меня никто не коснется этих обоев – ни одна живая душа!

Она попыталась выманить меня из комнаты – слишком настойчиво, я сразу заметила! Однако я возразила, что тут так тихо, пусто и чисто, что я, пожалуй, снова прилягу и посплю, сколько смогу. К ужину меня не будить – сама позвоню, как проснусь.

Так вот, теперь она ушла, прислуги тоже нет, мебель вынесли, не осталось ничего, кроме огромного остова кровати с матрасом из холстины, который был на нем раньше.

Сегодня ночью мы будем спать внизу, а завтра сядем на катер и отправимся домой.

Я просто обожаю эту комнату, особенно вновь опустевшую.

Как же здорово «поработали» тут дети!

Кровать изгрызена во многих местах!

Однако надо приниматься за работу.

Я заперла дверь и сбросила ключ на ведущую к входной двери дорожку.

Не желаю выходить отсюда и не хочу, чтобы сюда кто-то вошел, пока не вернется Джон.

Мне хочется его удивить.

У меня есть веревка, которую не нашла даже Дженни. Если эта женщина все-таки выберется и попытается сбежать, я ее свяжу!

Но я совсем забыла, что смогу дотянуться высоко, только если на что-то встану.

А кровать не сдвинуть!

Я пыталась приподнять и подтолкнуть ее, пока не заломило в ногах, потом разозлилась и откусила кусочек дерева в углу, отчего разболелись зубы.

Потом я ободрала все обои там, куда смогла дотянуться с пола. Приклеили их ужас как прочно, а узору от этого сплошная радость! Все головы удавленников, вытаращенные глаза и расползающиеся грибные наросты просто заходятся от хохота!

Я так злюсь, что готова на отчаянный поступок. Прыжок из окна стал бы восхитительным моционом, но решетки такие прочные, что и пытаться не стоит.

К тому же я этого не сделаю. Конечно же, нет. Я отдаю себе отчет в неуместности подобного шага, к тому же его могут превратно истолковать.

Мне даже не хочется выглядывать из окна – снаружи так много ползающих женщин, и передвигаются они очень быстро.

Интересно, а они все, как и я, вылезли из обоев?

Но теперь я надежно привязана припрятанной веревкой – меня вам туда, на дорогу, не вытащить!

Думаю, придется вернуться под узор, когда настанет ночь, а это нелегко!

Как же приятно ползать по этой большой комнате, как хочется!

Из дома выходить не желаю. Не выйду, даже если Дженни попросит.

Ведь на улице придется ползать по земле, к тому же там все зеленое, а не желтое.

А тут я могу плавно ползти по полу, и плечо плотно прилегает к длинной, вмятой в стены полосе, так что сбиться с пути не удастся.

Ой, вот и Джон за дверью!

Бесполезно, молодой человек, ты не сможешь ее открыть!

Как же он вопит и ломится!

Теперь кричит, чтобы принесли топор.

Как не стыдно ломать такую красивую дверь!

– Джон, дорогой, – сказала я как можно более нежным голосом. – Ключ внизу, у крыльца, под листом подорожника!

Это заставило его ненадолго умолкнуть.

Потом он произнес очень-очень тихо:

– Открой дверь, дорогая.

– Не могу, – ответила я. – Ключ внизу, у входной двери под листом подорожника.

Я еще несколько раз повторяла эти слова, очень тихо и медленно, так часто, что ему пришлось спуститься и поискать ключ. Он, конечно же, его нашел и открыл дверь. Потом остановился, как вкопанный, на пороге.

– В чем дело?! – вскрикнул он. – Бога ради, что ты делаешь?

Я по-прежнему ползла и лишь оглянулась на него.

– Наконец-то я выбралась, – сказала я. – Наперекор тебе и Дженни. И ободрала почти все обои, так что обратно вам меня не упрятать!

Однако с чего бы ему падать в обморок? Но он и впрямь лишился чувств и рухнул прямо у стены на моем пути, так что мне каждый раз приходилось через него переползать!

Женландия
Роман

Глава 1
Вполне обычная экспедиция

К сожалению, пишу по памяти. Если бы я смог принести с собой скрупулезно собранные материалы, рассказ получился бы совсем другим. Целые блокноты, полные записей, тщательно подобранные данные, впечатления от первого лица и снимки – вот в чем главная потеря. Запечатленные с птичьего полета панорамы и виды городов и парков, множество прекрасных изображений улиц, домов снаружи и изнутри и нескольких восхитительных садов. Самое же главное – фотографии самих женщин.

Никто никогда не поверит моим словам об их внешности. Когда речь заходит о женщинах, описания не дают полной картины, а у меня художественные зарисовки всегда получались не очень хорошо. Однако как-то нужно поведать обо всем, остальной мир должен узнать об этой стране.

Я не сказал, где она расположена из боязни того, что туда тотчас же ринутся самозваные миссионеры, торговцы или жадные до новых земель захватчики. Их там не ждут, вот что я им скажу, но, если они все-таки отыщут эту страну, их ожидает участь куда хуже нашей.

Начиналось все так. Нас было трое, однокашников и друзей. Терри О. Николсон (мы звали его Старина Ник, на что были веские причины), Джефф Маргрейв и я, Вандик Дженнингс.

Мы знали друг друга много лет, и, несмотря на разные характеры, имели много общего. Все живо интересовались наукой.

Терри был достаточно богат, чтобы делать все, что хочется. Сильнее всего его увлекало разведывание и изучение всяческих явлений. Он то и дело жаловался, что открывать больше нечего, остается лишь заполнять пробелы. Заполнял он их хорошо, обладая массой талантов, особенно в области механики и электротехники. Он владел великим множеством лодок и автомобилей, к тому же считался одним из лучших пилотов.

Без Терри у нас вообще ничего бы не получилось.

Джефф Маргрейв рос прирожденным поэтом и ботаником в одном лице, однако родители уговорили его выучиться на врача. Он им и стал, причем неплохим для своих лет, но по-настоящему его захватывало то, что он любил называть «чудесами науки».

Что до меня, то мой конек – это социология. Она, конечно же, требует знаний в других областях науки, и все они меня интересуют.

Терри делал упор на фактах, в частности увлекался географией и метеорологией, Джефф заткнул бы его за пояс по части биологии, а я не особо вникал в их споры, если они не имели отношения к жизни людей. Только мало что на свете ее не касается.

Нам троим посчастливилось участвовать в крупной научной экспедиции. Им требовался врач, что дало Джеффу повод оставить только что начатую практику. Им понадобился опыт Терри, его всевозможные машины и деньги.

А меня взяли по протекции последнего.

Исследователи отправились в район тысячи притоков и прилегающих земель одной очень крупной реки, где нужно было составить карты местности, изучить туземные диалекты, исследовать всевозможную дотоле незнакомую флору и фауну.

Но рассказ мой не об экспедиции. Она стала лишь отправной точкой для нашего последующего исследования.

Сначала мой интерес вызвали разговоры проводников. У меня большие способности к языкам, сам я много их знаю и быстро схватываю новые. При помощи находившегося среди нас неплохого переводчика я записал множество легенд и преданий, разбросанных на обширных пространствах туземных племен.

По мере того, как мы все дальше забирались вверх по течению сквозь переплетения рек, озер, болот и густых лесов, то и дело рассекаемых неожиданно появляющимися вздыбленными отрогами далеких гор, я заметил, что туземцы все чаще и чаще говорили о загадочной и страшной «Земле женщин», лежащей где-то вдалеке.

«Далеко», «где-то там», «вверх по реке» – вот и все, что они могли сказать насчет направления, но все их легенды сходились в главном: существует таинственная страна, где нет мужчин. Там живут только женщины и дети женского пола.

Никто из них никогда не видел тех краев. Для любого мужчины отправиться туда смертельно опасно. Но стародавние предания гласят, что один смельчак туда добрался. Там большая страна, большие дома, много людей.

И все – женщины.

А еще кто-нибудь пробовал туда попасть? Да… очень многие… но никто не вернулся. Мужчинам там не место – в этом туземцы единодушно сходились.

Я рассказал ребятам об этих легендах, и они дружно посмеялись. Разумеется, и я тоже. Мне известно, откуда берутся подобные сказания.

Однако когда мы достигли самой дальней точки и за день до того, когда надо было поворачивать обратно, что рано или поздно делает любая экспедиция, мы совершили открытие.

Главный лагерь был разбит на косе, вдающейся в основное русло реки или то, что мы таковым считали. Вода там отличалась таким же грязно-бурым цветом, что и на протяжении предыдущих недель, и отдавала таким же вкусом.

Я поговорил о реке с нашим проводником, довольно смышленым парнем с живыми, ясными глазами.

Он рассказал, что есть и другая река – «вон там… река короткая, вода вкусная… красная и синяя».

Меня его рассказ очень заинтересовал. Не терпелось убедиться, верно ли я его понял, поэтому я показал ему красный и синий карандаши и повторил вопрос.

Да. Он указал на реку, потом на юго-запад.

– Река… хорошая вода… красная и синяя.

Стоящий рядом Терри полюбопытствовал, куда же показывает проводник.

– Что он говорит, Ван?

Я сказал.

Терри тотчас загорелся.

– Спроси, далеко ли дотуда.

Проводник жестами показал, что недалеко. Я прикинул, что часа два, возможно, три.

– Пошли, – вскинулся Терри. – Только мы втроем. Может, и вправду что-то найдем. Наверное, там залежи киновари.

– Или заросли индиго, – с ленивой улыбкой предположил Джефф.

Было рано. Мы только что позавтракали. Сказав, что вернемся до темноты, наша троица тихонько отправилась в путь, не желая показаться слишком легковерными на случай, если у нас ничего не получится, и втайне надеясь совершить хотя бы маленькое открытие.

Мы долго шли, почти три часа. Думаю, туземец-проводник в одиночку одолел бы это расстояние гораздо быстрее. Перед нами простиралась болотистая низина, густо поросшая лесом,

и одни мы ни за что бы не нашли тропинку. Но она была, и я видел, как Терри, вооружившись компасом и блокнотом, отмечал направление и пытался обозначить ориентиры.

Через некоторое время мы подошли к заболоченному озеру, такому большому, что окружающий его лес выглядел низкорослым и терялся в дымке. Проводник сказал, что отсюда можно на лодках дойти до нашего лагеря, но «долго… целый день».

Вода там казалась чище, чем в лагере, но от уреза ее не получилось хорошенько разглядеть. Мы примерно с полчаса обходили озеро, земля с каждым шагом становилась все тверже, и вскоре мы оказались на поросшей лесом возвышенности. Нам открылся совершенно другой вид – на крутые, обрывистые и лишенные растительности утесы.

– Это один из длинных восточных отрогов, – оценивающе произнес Терри. – Наверное, он тянется на сотни километров от главного хребта. Так обычно и бывает.

Мы повернули от озера и двинулись прямо к утесам. Мы услышали шум воды, прежде чем ее увидели, и проводник с гордостью указал на реку, о которой рассказывал.

Она была недлинной. Мы видели, откуда вытекает вода: из узкого водопада, находящегося в расщелине утеса. Проводник жадно напился, и мы последовали его примеру.

– Это ледниковая вода, – заявил Терри. – Наверное, вон из тех дальних гор.

Но вот что до красного и синего – вода была чуть зеленоватого оттенка. Проводник, похоже, ничему не удивился. Он немного побегал и показал нам тихий и неприметный затон, где на берегах виднелись красноватые пятна. Да, и синеватые тоже.

Терри вытащил увеличительное стекло, сел на корточки и принялся внимательно их разглядывать.

– Какие-то химические вещества. Сразу не разберешь. Похоже на красители. Давайте-ка поближе подойдем, – предложил он. – Вон туда, к водопаду.

Мы вскарабкались по крутому берегу и добрались до заводи, где пенилась и пузырилась падающая сверху вода. Мы обошли берег и тоже нашли четкие цветные пятна. Более того, Джефф порадовал нас неожиданной находкой.

Это была тряпка, длинный, выкрашенный кусок ткани. Однако она оказалась хорошей выделки, с узором и алого цвета, не поблекшего от сырости. Ни одно из известных нам туземных племен не выделывало таких.

Проводник спокойно стоял на берегу, с довольным видом разглядывая наши взбудораженные лица.

– Один день синий, один день красный, один день зеленый, – произнес он и вытащил из поясной сумки еще одну полоску ярко окрашенной ткани.

– Спускаться, – сказал он, указывая на водопад. – Страна женщин там.

Его слова вызвали у нас неподдельный интерес. Мы отдохнули, перекусили и принялись вытягивать из туземца информацию. Он мог сказать нам лишь то же, что и остальные: земля женщин… мужчин нет… дети, но сплошь девочки. Для мужчин не место… опасно. Кто-то ходил смотреть – никто не вернулся.

Я заметил, как Терри стиснул челюсти. Для мужчин не место? Опасно? Вид у него был такой, точно он вот-вот ринется штурмовать водопад. Но проводник и слышать не хотел, чтобы карабкаться наверх, даже если и существовал способ взобраться на голый утес. К тому же стоило дотемна вернуться в лагерь.

– Они могут задержаться, если мы им все расскажем, – предположил я.

Но Терри уперся.

– Послушайте, ребята, – сказал он. – Это мы тут все нашли. Давайте ничего не рассказывать чванливым профессорам. Вернемся вместе с ними домой, а потом отправимся сюда втроем. Снарядим нашу собственную экспедицию.

Мы поглядели на него, удивленные и заинтригованные. Для ничем не связанных и не стесненных молодых людей было очень заманчиво открыть неизвестную дотоле страну в дебрях амазонских джунглей.

Конечно же, мы не поверили в легенду… Но все же!

– Ни одно из местных племен не выделывает таких тканей, – заявил я, тщательно осмотрев найденные лоскутки. – Где-то далеко кто-то прядет, ткет и красит, как и мы.

– Это подразумевает значительный уровень развития, Ван. Такого места здесь быть не может, и о нем никто не знает.

– Ну, я бы не сказал. А как насчет древней республики в Пиренеях, Андорры? Очень немногие хоть что-то о ней знают, и она около тысячи лет живет в добровольной изоляции. Еще есть Черногория, дивное небольшое государство. А среди этих хребтов могут затеряться с десяток Черногорий.

Весь обратный путь мы горячо обсуждали увиденное. Обсуждали его, опасаясь посторонних ушей, по пути домой. Обсуждали и потом только между собой, пока Терри занимался необходимыми приготовлениями.

Он очень загорелся этой идеей. К счастью, он был небедным человеком, иначе нам бы пришлось долгие годы собирать средства на экспедицию, которая сделалась бы предметом досужих домыслов и насмешек, дежурным блюдом для газетчиков.

Но Т.О. Николсон смог снарядить паровую яхту, погрузить на нее сделанный по особому заказу моторный катер и разобранный на части биплан, и это удостоилось всего нескольких строк в разделе светской хроники.

Мы взяли с собой всевозможные припасы, провиант и оружие. Прежний опыт пошел Терри на пользу. Он предусмотрел все.

Мы планировали оставить яхту в ближайшем безопасном порту и подняться по бесконечной реке на катере, где будем только мы втроем и лоцман. Потом высадим лоцмана на месте самой дальней стоянки предыдущей экспедиции, затем самостоятельно разыщем речушку с чистой водой.

Катер мы намеревались пришвартовать на том большом мелководном озере. У него имелось специальное разборное армированное покрытие, тонкое, но прочное, как раковина моллюска.

– Туземцы не сумеют ни проникнуть внутрь, ни что-то повредить, ни сдвинуть катер, – с гордостью объяснил Терри. – От озера мы сможем полететь на аэроплане, а катер оставить как базу, на которую вернемся.

– Если вернемся, – весело заметил я.

– Боишься, что тебя дамочки сожрут? – хмыкнул он.

– Знаешь, вот насчет дамочек мы совсем не уверены, – протянул Джефф. – Нас могут встретить джентльмены с отравленными стрелами или чем-то еще.

– Не хочешь ехать – оставайся дома, – сухо заметил Терри.

– Не хочу ехать! Да меня под арест посадить надо, чтобы не пустить!

В этом мы с Джеффом были единодушны.

Но вот во мнениях у нас согласия не было.

Путешествие по океану – великолепное время для дискуссий. Тут нас никто не мог подслушать, и мы, удобно устроившись в шезлонгах, бесконечно говорили и говорили – ведь больше заняться было нечем. Полное отсутствие фактов еще более расширяло сферу наших обсуждений.

– Оставим необходимые бумаги у консула в порту, где пришвартуем яхту, – планировал Терри. – Если не вернемся, скажем, через месяц, за нами смогут послать спасательную партию.

– Карательную экспедицию, – предложил я. – Если дамочки все-таки нас съедят, за это надо отомстить.

– Они достаточно легко обнаружат нашу последнюю стоянку, к тому же я набросал карту-схему озера, утеса и водопада.

– Да, но как они одолеют утес? – спросил Джефф.

– Как и мы, конечно. Если там пропадут трое важных американских граждан, они как-нибудь пройдут по нашим следам. Не говоря уже о том, что увидят красоты дивной страны – назовем ее «Феминисия», – ответил он.

– Ты прав, Терри. Как только наша история всплывет, на реку тучей комаров слетятся экспедиции с аэропланами, – рассмеялся я, представив себе эту картину. – Мы совершили огромную ошибку, не сообщив об этом господам из желтой прессы. А зря! Какие были бы заголовки!

– Да никаких! – мрачно возразил Терри. – Это наша экспедиция. Мы сами найдем неведомую землю.

– И что ты думаешь делать, когда мы ее найдем, если это вообще случится? – негромко спросил Джефф.

Джефф был романтиком в душе. По-моему, он считал, что эта страна – если она вообще существует – благоухает розами, там резвятся дети, поют канарейки, всюду кружевные салфетки. Вот в таком разрезе.

Терри в глубине души представлял себе этакий фешенебельный летний курорт: кругом одни девушки, а он будет там… Ну, Терри пользовался популярностью у женщин даже при наличии других мужчин, так что неудивительно, что он тешил себя приятными мечтаниями о будущих приключениях. Я читал это в его глазах, когда он, развалившись в шезлонге, глядел на катящиеся мимо величавые волны и поглаживал свои красивые усы.

И вот тогда я подумал, что могу гораздо яснее, чем они, сформулировать то, что может там нас ожидать.

– Ребята, вы не то говорите, – с напором начал я. – Если такая страна и существует – а верить в это есть достаточно веские основания, – вы обнаружите, что она построена на принципах матриархата. У мужчин свое устройство на более низкой ступени развития, чем у женщин. Они раз в год наведываются в гости – это нечто вроде исполнения супружеских обязанностей. Подобные обряды существуют и хорошо известны. Это всего лишь один из способов выживания. Мужчины обитают в некоей изолированной от внешнего мира долине или на плоскогорье, при этом сохраняя первобытные обычаи. Вот и все.

– А как же мальчики? – спросил Джефф.

– О, мужчины забирают их, когда тем исполняется пять-шесть лет.

– А как же та легенда об опасной земле, которую повторяли все проводники?

– Там достаточно опасно, Терри, и нам нужно быть настороже. Женщины на этой стадии развития прекрасно могут постоять за себя и не привечают несвоевременных визитеров.

Разговоры наши продолжались и продолжались.

Несмотря на то, что в социологии я разбирался лучше, к истине приблизился не больше, чем они.

Наши совершенно четкие представления о стране женщин выглядят забавно в свете увиденного на самом деле. Бесполезно было внушать себе и другим, что все наши «идеи» – лишь досужие рассуждения. Мы предавались им от нечего делать и в океанском путешествии, и в плавании по реке.

– При всей невероятности… – с серьезным видом начинали мы и снова пускались в рассуждения.

– Они передерутся между собой, – настаивал Терри. – У женщин всегда так. Мы не должны выискивать какой-то порядок или организованность.

– Ты в корне ошибаешься, – возражал ему Джефф. – Все будет напоминать женский монастырь под правительством матери-настоятельницы: мирную и дружную сестринскую общину.

Я едко высмеял это представление.

– Прямо уж монашки! Твои сестринские общины облечены обетами безбрачия и послушания. А там просто женщины и матери, а где есть материнство, сестринской общности не ищи – нет ее там.

– Нет, сударь мой, они там ссорятся и цапаются, – соглашался со мной Терри. – А еще не следует ожидать увидеть там изобретения и прогресс, все будет примитивно до ужаса.

– А как же выделка тканей? – не сдавался Джефф.

– Ой, ткань! Женщины всегда что-нибудь прядут и шьют. Но на этом все и кончается, сам увидишь.

Мы подшучивали над Терри, уверенным, что его ждет теплый прием, но он стоял на своем.

– Вот увидите, – настаивал он. – Я войду к ним в доверие, а потом натравлю одних на других. И меня сразу же выберут царем, вот как! Соломону придется потесниться!

– А мы кем сделаемся? – спросил я. – Визирями или чем-то вроде?

– Рисковать нельзя, – мрачно заключил Терри. – Вы можете начать революцию, что наверняка и сделаете. Нет, вас придется обезглавить, задушить шнурком… Или как там у них принято расправляться с неугодными…

– Запомни, тебе придется сделать это самому, – широко улыбнулся Джефф. – Никаких там рослых черных рабов или мамелюков! А тем более нас выйдет двое на одного, верно, Ван?

Взгляды Джеффа и Терри разнились так сильно, что временами мне не оставалось ничего другого, как мирить их. Джефф идеализировал женщин, как истинный южанин. Его переполняли рыцарское благородство и прочие сантименты. Он был хорошим парнем и жил по своим принципам.

То же самое можно было бы сказать и о Терри, если бы вы могли вежливо охарактеризовать его отношение к женщинам соответствующим каким-либо принципам. Он мне всегда нравился. Настоящий мужчина, щедрый, великодушный, храбрый и умный. Однако не думаю, что кто-то из нас в студенческие годы был бы польщен, если бы он оказывал внимание его сестре. Мы не придерживались строгих пуританских взглядов, вовсе нет! Но Терри переходил все границы. Позднее… Ну, конечно же, каждый – хозяин своей судьбы, думали мы, и вопросов не задавали.

Однако отбрасывая вероятные исключения касательно его предполагаемой жены, матери или, конечно же, родственниц друзей, все принципы Терри, похоже, состояли в том, что хорошенькие женщины – это «добыча», а на домовитых даже и смотреть не стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.